Светлана Владимировна Капустина

*аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Республика Крым, Россия)
Kapustina_S_V@mail.ru*

ФЕНОМЕН БОГАТЫРСТВА В ТРАКТОВКЕ Н. В. ГОГОЛЯ И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В анализе прозы Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского реконструируются и сопоставляются их взгляды на категорию «богатырство». Освещаются такие актуальные литературоведческие проблемы, как истолкование богатырского подвижничества в свете Православной традиции, а также роль Н. В. Гоголя в художественном сознании Ф. М. Достоевского. Подчеркивается, во-первых, что оба классика воспринимали феномен богатырства в контексте христианской идеи «сила в немощи», акцентируя внимание на духовной, а не физической крепости истинных богатырей; во-вторых, что богатырские подвиги совершаются не только бесстрашными ратоборцами в латах, но и людьми «каждого звания и места», непрерывно ведущими битву с различными проявлениями беспорядка как в мире, так и в собственной душе.

Установлено, что олицетворением богатырства для обоих писателей были святые воины. Н. В. Гоголь, указывая современникам на образец богатырского подвижничества, называл имена преподобных Александра Пересвета и Андрея Осляби. Ф. М. Достоевский примером богатырского служения считал свято чтимого русским народом христианского богатыря Илью Муромца.

Ключевые слова: Гоголь, Достоевский, богатырь, богатырство, Православие, сила, вера.

Вопрос о влиянии Н. В. Гоголя на мировоззрение и писательское становление Ф. М. Достоевского неоднократно освещался в трудах авторитетных исследователей, но, как правило, их заключения базировались на суждениях младшего современника о старшем, извлеченных из публицистического и эпистолярного наследия. Реже объектом рассмотрения становились творческие контакты писателей, их типологическая общность. Поэтому настоящая статья, выявляющая сходство и различия в ценностных устремлениях классиков и построенная на основе сопоставления их базового концепта «богатырство», обладает актуальностью и новизной. Суждения В. Г. Белинского о генетической близости

раннего Достоевского Гоголю [1, 128–129] получили развитие в раздумьях В. В. Зеньковского, утверждавшего, что «Гоголь предваряет Достоевского, но не покрывается им» [6, 91], и стали общим местом в трудах многих исследователей.

Другая точка зрения, выдвинутая В. В. Розановым, охарактеризовавшим Ф. М. Достоевского как «родоначальника преодоления гоголевского "бездушия" в русской литературе» [8, 121], была поддержана представителями символизма и религиозно-философской критики: Д. С. Мережковским, В. Я. Брюсовым, Вяч. Ивановым, Н. А. Бердяевым, К. В. Мочульским и др. На успешные попытки преодоления Достоевским Гоголя указывали Ю. Н. Тынянов [10], А. Л. Бем [2], В. В. Виноградов [4] и пр. Тем не менее писателей объединяет безусловная близость аксиологических ориентиров, реализованных, в частности, в их представлениях о смысле и назначении литературного творчества.

Целью данной статьи является реконструкция тех индивидуально-авторских смыслов, которые приобрело полисемантическое понятие «богатырство» в искусстве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского.

Изображение бесстрашных подвигов русских богатырей не ограничивается рамками былинного эпоса. Примерами праведной брани с пороками, обуявшими людские души, служат для христиан жизнеописания Благоверных Великих Князей и Преподобных мучеников Божиих. Вечную жизнь обретают доблестные воины и на страницах русской классики. Г. Р. Державин, Н. М. Языков, А. С. Пушкин и многие другие выдающиеся литераторы опоэтизировали в своих произведениях богатырскую силу русского народа и его представителей, готовых пролить кровь и отдать саму жизнь, защищая родную землю от посягательств иноверцев. Несколько отлично от своих великих собратьев по перу трактует сущность понятия «богатырство» Н. В. Гоголь. Согласно его мнению, «богатырски задремал нынешний век»¹ (Г VI, 67) и крепкий сон отступит лишь тогда, когда каждый русский человек осознает:

В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое званье и место требует богатырства (Г VI, 80).

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь не устанно указывает читателям на необходимость стать духовными богатырями, то есть, вооружившись Заветами Божиими, вступить в битву с «темным и запутанным настоящим». Христианских богатырей-инок Пересвета и Ослябля писатель в одном из своих посланий приводит как пример смиренного подвижничества, долженствующего напоминать русскому человеку о необходимости его постоянной и непримиримой борьбы с дьявольскими искушениями:

Вспомните, что когда приходила беда ей <России>, тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее. Чернецы Ослябля и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину, и легли на кровавом поле битвы, а вы не хотите взять поприща мирного гражданина, и где же? – в самом сердце России... (Г VI, 90).

Самое же понимание Н. В. Гоголем богатырства как силы не тела, но духа, бесспорно, сформировалось благодаря его живому интересу к произведениям святоотеческой литературы. Писатель изучал наследие Святых Отцов именно так, как завещал делать это Н. М. Языкову, – «с карандашом в руке». Выписки Н. В. Гоголя из церковных книг, сохранившиеся и поныне, непосредственно указывают на истоки авторского восприятия такого феномена славянской культуры, как святорусское богатырство. Фрагмент из «Послания св. Афанасия Великого, Архиепископа Александрийского, к Амуну Монаху», цитируемый Н. В. Гоголем в записной тетради, думается, служит своеобразным пояснением к сцене убийства Андрия Тарасом Бульбой:

...не позволительно убивать; но убивать врагов на брани и законно и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния... (Г IX, 18).

Богатырство Тараса Бульбы обусловлено не столько его физической мощью и воинской закалкой, хотя они в высшей мере присущи ему, сколько несгибаемой духовной силой и верностью Христу: родственные узы не могут связывать святорусского богатыря с врагом, добровольно отрехшимся

от своей Земли. Поэтому, наказывая сына-вероотступника, Тарас совершает деяние, не менее благое, чем ратный подвиг.

Н. В. Гоголь часто отождествляет понятия «святорусское богатырство» и «христианское подвижничество», указывая на то, что борцом за правое дело может стать каждый человек, искренне внимающий и следующий Слову Творца. Примеры этой синонимии находим в пометах Гоголя, сделанных при чтении Библии. Так, на полях гл. 2, ст. 3 «Второго Послания к Тимофею св. апостола Павла» рукой классика начертано: «Злопостражди как добрый воин Христов» (Г IX, 159).

Гоголевское понимание «духовного богатырства» было неизменным как до, так и после его отказа от поприща писателя-сатирика: «Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» – укоризненно вопрошает Гоголь – автор «Мертвых душ» (Г V, 213); «Подвиг на подвиге предстоит вам на всяком шагу, и вы этого не видите!» (Г VI, 96), – сокрушается Гоголь в «Духовной прозе».

Взгляд Н. В. Гоголя на «духовное богатырство» как на Божью благодать, ниспосланную для исцеления душ страждущих и усомнившихся, нашел развитие в творчестве Ф. М. Достоевского.

Наиболее яркой иллюстрацией к пониманию Ф. М. Достоевским основных черт «духовного богатырства» является статья «Фома Данилов, замученный русский герой», опубликованная в январском выпуске «Дневника Писателя» за 1877 год. Именно здесь автор рассказывает о подвиге и мученической смерти унтер-офицера Фомы Данилова, который, попав в плен к кипчакам, не изменил Кресту и не отрекся от Православия. Отказ от христианства мог бы принести русскому воину помилование иноверцев, однако жизни без Христа он предпочел смерть во имя Его. «Мучители, замучив его до смерти, удивились силе его духа и назвали его батырем, то есть по-русски богатырем»² (Д XXV, 12), – пишет Ф. М. Достоевский, указывая на то, что сила русского богатыря заключается не в его сверхчеловеческой физической мощи, а в духовной крепости, остающейся незыблемой даже под воздействием соблазнительнейших искушений и тяжелейших

испытаний. Примечательно и то, что Ф. М. Достоевский вслед за Н. В. Гоголем утверждает исконно русские основы понятия «богатырство». Следует также отметить, что подобное восприятие отнюдь не безосновательно и даже зафиксировано в работах авторитетных этнологов. В противовес главенствующей в науке гипотезе о заимствовании слова «богатырь» из др.-тюрк. **bayatur* (М. Фасмер³, Н. М. Шанский⁴, В. В. Иванова, Т. В. Шанская, Г. П. Цыганенко⁵ и мн. др.) существует версия О. Ф. Миллера [7, 220] и Ф. И. Буслаева, согласно которой, «...хотя современники князя Владимира слышат *богатырями*, но, без сомнения, это название перенесено на них от лиц древнейших, титанических; потому что *богатырь* происходит от слова *Бог* через прилагательное *богат*, и собственно значит существо, одаренное высшими, божескими преимуществами, как герой, произошедший от Бога» [3, 79–80].

Так, богатырский подвиг русского унтер-офицера, вдохновивший Ф. М. Достоевского на отклик о нем в «Дневнике Писателя», напоминает героическую сцену казни Остапа из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»:

Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями... (Г II, 406).

Сыны Русской земли, бесстрашно сражавшиеся с иноверцами, принимают от врагов смерть так, как и подобает настоящему богатырю, — без ропота, не отрекаясь от Бога. Неслучайно еще не раз во славу крепости духа русского народа в произведениях и Гоголя, и Достоевского прозвучит слово *исполин*.

Ублажи гимном того исполина, какой выходит только из Русской земли, который вдруг пробуждается от позорного сна, становится вдруг другим; плюнувши в виду всех на свою мерзость и гнуснейшие пороки, становится первым ратником добра. Покажи, как совершается это богатырское дело в истинно русской душе... (Г VI, 70).

Этими словами Н. В. Гоголь призывает современного ему лирического поэта воспеть «духовное богатство», свойственное исключительно русскому народу-богоносцу. Не менее торжественно и патриотично звучит речь князя Мышкина на званом вечере у Епанчиных:

...откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле! Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий, вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства... (Д VIII, 453).

Размышляя о пагубности уныния в жизни человека, Н. В. Гоголь вновь обратился к излюбленному слову «исполин»:

При первом приступе несчастья они <внешне сильные> оказываются малодушными, низкими, бессильными, как ребенки; тогда как слабейшие возрастают, как исполины, при всяком несчастье. «Сила наша в немощи совершается», – сказал Бог устами апостола Павла... (Г VI, 311).

Стоит заметить, что примечания Н. В. Гоголя ко «Второму Посланию к Коринфянам святого апостола Павла» неоднократно указывают на то, что воин Христов должен быть силен, прежде всего, духовно: на полях гл. 4, ст. 6 классик напишет: «Сокровище света носим в немощных телах» (Г IX, 154), напротив гл. 12, ст. 9 отметит: «сила в немощи» (Г IX 154).

Подобно Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевский делал пометы при чтении «Второго послания к Коринфянам святого апостола Павла». Слова об истинной силе из гл. 12, ст. 10 «...ибо когда я немощенъ, тогда силенъ» писатель отчеркнул справа ногтем, а слева – карандашом [5, 505]. Кроме того, в январском выпуске «Дневника Писателя» за 1877 год, Ф. М. Достоевский указал на то, что русский народ, не зная Евангелия, ощущает сердцем заветы апостола Павла и потому искренне верит, что

...слабый и приниженный, несправедливо и напрасно ради Христа терпящий, будет вознесен превыше знатных и сильных, когда раздастся суд и веление Божие (Д XXV, 69).

В публицистике 1860-х гг. Достоевский неоднократно говорит о «богатых и оригинальных способностях русских», которые сравнивает с «богатырской силой», осознанной Ильей Муромцем после тридцати лет сидения сиднем (Д XVIII, 56); в «Дневнике Писателя» вскрывает религиозно-нравственную суть истинной силы, укрепленной жизнью по правде Христовой («...всякий, кто захотел истины, тот уже страшно силен» (Д XXV, 62)), и, наконец, представив образ защитника православной веры и русского народа преподобного Ильи Муромца как олицетворение богатырства, прежде всего, подчеркивает его духовную мощь:

Народ наш любит тоже рассказывать и всеславное и великое житие своего великого, целомудренного и смиренного христианского богатыря Ильи Муромца, подвижника за правду, освободителя бедных и слабых, смиренного и непревзойдающегося, верного и сердцем чистого (Д XXV, 69).

В свете своих размышлений о святорусском богатыре Илье Муромце Достоевский высказывается и о русском народе: «Идеал его, тип великоруса — Илья Муромец» (Д XXIV, 309), указав тем самым, что *богатырство* — это не только явление исторического прошлого России, но и её спасение в настоящем, а также залог великого будущего. Рассуждая о Красоте высшей («красоте идеала»), писатель отметит:

...соприкосновение с красотой идеала есть и в былинах наших, и в сильной степени. Там есть удивительные типы Ильи Муромца и фантастического Святогора... (Д XXIV, 198).

Справедливо в данном контексте замечание К. А. Степаняна о том, что «словом "идеал" Достоевский порой замещал в своих статьях и записях для себя имя Христа» [9, 53]. Предназначение богатырей Ильи Муромца и Святогора, по Ф. М. Достоевскому, в служении Христу, т. е. утверждении в тварном мире Красоты в ее духовном, высшем смысле.

И Гоголь, и Достоевский видели в первооснове богатырства христианскую стойкость, незыблемость Православной

веры, которая способна противостоять разрушительному воздействию бесовщины и на общество в целом, и на каждого человека в отдельности. Нарекая русский народ *богатырем*, оба писателя подчеркивали: верные сыны Святой Руси сильны тем, что носят Бога в сердце своем. Сила от Всевышнего преображает и воскрешает пораженные дьявольскими соблазнами души, именно поэтому и Гоголь, и Достоевский со страниц своих произведений призывают соотечественников к богатырским подвигам в миру.

Примечания

- ¹ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.-Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Здесь и далее ссылки на собр. соч. Н. В. Гоголя приводятся в тексте статьи в круглых скобках с употреблением сокращения *Г* и указанием тома и страницы.
- ² *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее ссылки на собр. соч. Ф. М. Достоевского приводятся в тексте статьи в круглых скобках с употреблением сокращения *Д* и указанием номера тома и страницы.
- ³ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987. Т 1 (А – Д). 1986. С. 183.
- ⁴ *Шанский Н. М.* Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. М.: Просвещение, 1975. С. 37.
- ⁵ *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1989. С. 36.

Список литературы

1. *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Наука, 1982. Т. 8. 515 с.
2. *Бем А. Л.* «Нос» и «Двойник» // О Достоевском. М.: Русский путь, 2007. С. 500–518.
3. *Буслаев Ф. И.* Русский богатырский эпос // Русский Вестник. М., 1862. № 9. С. 79–80.
4. *Виноградов В. В.* Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский. М.: Academia, 1929. 391 с.
5. Евангелие Достоевского: В 2 т. / Подг. статьи, коммент. В. Н. Захарова, В. Ф. Молчанова, Б. Н. Тихомирова. М.: Русский мир, 2010. Т. 1.: Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, 2010. 656 с.

6. *Зеньковский В. В.* Гоголь и Достоевский // О Достоевском. М.: Русский путь, 2007. С. 91–99.
7. *Миллер О. Ф.* Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб: Типография Куколь-Яснопольского, 1865. 371 с.
8. *Розанов В. В.* Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. 607 с.
9. *Степанян К. А.* Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
10. *Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198–226.

Svetlana Vladimirovna Kapustina

*postgraduate student of Crimea Federal V. I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia)*

Kapustina_S_V@mail.ru

THE PHENOMENON BOGATYRSTVO IN N. V. GOGOL'S AND F. M. DOSTOYEVSKY'S INTERPRETATION

Abstract. In the analysis of the prose of Nikolai Gogol and Fyodor Dostoyevsky the both writers' views on the category of "bohатыrstvo" are reconstructed and compared their views on the category of "bohатыrstvo". The author covers such important literary problems as interpretation of heroic asceticism in the light of the Orthodox tradition, as well as the role of Nikolai Gogol in the artistic consciousness of Fyodor Dostoyevsky. First of all the scholar emphasizes that both of the classics interpret bohатыrstvo in the context of the Christian idea of "strength in weakness", focusing on the spiritual, not physical strength of the true bohатыrs; secondly, that the deeds are committed not only by fearless warriors in armor, but also the people "of every rank and place", continually leading the battle against the various manifestations of the disorder both in the world and in his own soul.

It was found that holy warriors are the embodiment of bohатыrstvo for both writers. Nikolai Gogol consider the names of bohатыrs Alexander Peresvet and Andrei Oslabya as the examples of asceticism for his contemporaries. The well known Christian bohатыr Ilya Muromets, honoured by Russian people, is the ideal of saint heroism for Fyodor Dostoyevsky.

Keywords: bogатыr, bogатыrstvo, Orthodoxy, strength, faith.

References

1. Belinskiy V. G. *Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Collected works in 9 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1982, vol. 8. 515 p.
2. Bem A. L. «Nos» i «Dvoinik» [The Nose and The Double]. *O Dostoyevskom* [About Dostoyevsky]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2007, pp. 500–518.

3. Buslaev F.I. Russkiy bogatyrskiy epos [Russian heroic epos]. *Russkiy Vestnik* [Russian messenger], 1862, no. 9, pp. 79–80.
4. Vinogradov V.V. *Evolyutsiya russkogo naturalizma: Gogol' i Dostoevskiy* [Evolution of the Russian naturalism: Gogol and Dostoyevsky]. Moscow, Academia Publ., 1929. 391 p.
5. *Evangelie Dostoevskogo: v 2 tomakh* [Gospel of Dostoyevsky in 2 vols.]. Edited by V. N. Zakharov, V. F. Molchanov, B. N. Tikhomirov. Moscow, Russkiy mir Publ., 2010, vol. 1. 656 p.
6. Zen'kovsky V. V. Gogol' i Dostoevskiy [Gogol and Dostoyevsky]. *O Dostoevskom* [About Dostoyevsky]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2007, pp. 91–99.
7. Miller O.F. *Opyt istoricheskogo obozreniya russkoy slovesnosti* [Experience of the historical review of Russian literature]. Saint Petersburg, Typography of Kukul-Yasnopolsky, 1865. 371 p.
8. Rozanov V.V. *Mysli o literature* [Thoughts about literature]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, 607 p.
9. Stepanyan K. *A Dostoevskiy i Servantes. Dialog v bol'shom vremeni* [Dostoyevsky and Cervantes. Dialogue in the big time]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2013, 368 p.
10. Tynyanov Yu. N. Dostoevskiy i Gogol' (k teorii parodii) [Dostoyevsky and Gogol (towards the theory of parody)]. *Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. The cinema by Yu. N. Tynyanov]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 198–226.